

Полина Максимова

ВЕРХОВЬЕ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М17

Иллюстрации на переплете *Arigate*

Максимова, Полина.

М17 Верховье / Полина Максимова. — Москва : Эксмо,
2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-205298-9

Смерть отца Али изменила ее мать и обеих бабушек. Мама отгородилась от мира, бабушка Иза чересчур опекает Алю, а бабушка Тая совсем не общается с внучкой. После второго курса университета Аля едет в деревню на Пинеге, где много лет назад умер ее отец и где живет бабушка Тая. Аля пытается понять, что тогда произошло с ее семьей и почему странная старуха-соседка считает, что Аля может спасти ее от существа, которое поселилось в ее теле еще в детстве.

Тина учится в аспирантуре филфака и пишет диссертацию о мифическом существе, которое вселяется в женщин, живущих в деревнях на севере России, где протекает река Пинега. Тина погружается в мрачную историю и мифологию Пинежья, а параллельно переживает болезненные отношения со своим женатым научным руководителем, почти не покидая съемную студию на окраине Петербурга.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Максимова П., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-205298-9

Любимым женщинам моей семьи

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Аля

Дверь в спальню была закрыта, я тихо постучала и вошла. Задребезжало стекло в старом серванте, где Иза хранила нетронутую посуду и свою коллекцию слоников из керамики, малахита, розового кварца и венецианского стекла. В комнате стояла густая, затхлая темнота, плотно задернутые шторы не пропускали ни солнечные лучи днем, ни свет фонарей ночью. Торшер с тканевым абажуром, который Иза сшила сама, бессмысленно очерчивал тускло-янтарный ореол где-то в углу. На низкой яркости горел экран телевизора, звук его тоже был убавлен до минимума. Резные стрелки настенных часов с дрожью преодолевали минуты, каждый раз громко щелкая. Сама Иза сидела спиной к двери в старом громоздком кресле, его выпирающие пружины скрипели от любого шевеления. Мне была видна только ее светловолосая макушка.

— Иза, мы поехали. Я хотела попрощаться.

Она не повернулась, но на мгновение показалась костлявая рука в кольцах. Иза взяла пульт и сделала звук еще тише.

— Привезти тебе шаньги от бабушки Таи? Или, может быть, варенья, свежих ягод? Ведерко грибов?

— Не надо мне ничего от твоей бабки Таи. — От Изы по комнате расползался холод, казалось, у меня изо рта пойдет пар.

— Ну зачем ты так?

Заскрипели пружины. Иза прибавила звук, я вышла и закрыла за собой дверь.

На кухне звенела посуда — мама складывала наши чашки в сушилку. Опять поставит что-то не так, придет Иза и начнет все перекладывать, а может, и перемывать, греметь еще звонче, чтобы мы непременно услышали. Нет, не мы. Теперь только мама.

Дорога от дома до вокзала занимает минут десять, и все равно мы чуть не опоздали на поезд, который уже ждал на платформе, когда нас привезло такси. Небо с самого утра было мрачным, сейчас тучи сгустились, копили силы, чтобы обрушить на город мощный ливень.

Мы с мамой нашли нужный плацкарт. Здесь уже сидела старушка в белом платке с голубыми цветами. Желтоватое лицо, голова дергается, как у болванчика. Мне почудилось, что шея ее скрипела, но это старушка качала ногой и пинала свою тележку с хозяйственной сумкой, та лязгала в ответ на каждый толчок.

— О, кака девица-хвалёнка. Куды така едет-то? — встрепенулась старушка.

— К бабушке, на Пинегу, — ответила за меня мама.

— А документы?

— До Карпогор, а там в Лавелу.

— Я сама с Суры, — кивая головой, сказала старушка. — А вы городские?

— Да, с Архангельска.

ВЕРХОВЬЕ

Проводник крикнул, чтобы провожающие покинули вагон. Мы с мамой повернулись друг к другу и обнялись на прощание.

— Уезжать в дождь — хорошая примета, — сказала мама, глядя из окна вагона на низкие, тугие тучи, похожие на налитые сизые сливы.

Мама верила во все приметы, которые знала.

— Я немного волнуюсь, — сказала я.

— Если честно, я тоже. Не думала, что ты когда-нибудь решишь поехать на Пинегу. Но Таисья Степановна, бабушка Тая, — добрая женщина. Иза думает, Таисья Степановна в чем-то перед нами виновата, но это не так.

— Я знаю.

— Ну, ни пуха ни пера! — Мама три раза сплюнула через плечо и постучала по столу.

— К черту, — вздохнула я.

Мама аккуратно подхватила свою сумочку, поцеловала меня в щеку и вышла. Я смотрела на нее из окна. Такая же худая, как Иза, но не высокая, такая же элегантная, но не старомодная, она встала на перроне напротив моего плацкарта, спрятав руки в карманы черного плаща. Ветер раздувал ее медовые волосы. Пряди прилипли к блеску на губах, и мама убрала волосы за уши, открыв старые изумрудные серьги Изы. Какое-то время мы с мамой пытались общаться жестами. Мама указала на меня пальцем, а потом сложила ладони в лодочку и положила их под голову — ложись спать, и время пролетит быстро, имела в виду она. Я помотала головой и придвинула раскрытые ладони к лицу — нет, буду читать, показала ей я. А потом поезд тронулся.

ГЛАВА 2

Тина

Она лежит в его объятиях, животом он прижимается к ее спине, они пытаются отдышаться на мятой простыне. Тина — аспирантка, Виктор — ее научный руководитель. Она пишет кандидатскую, он — докторскую. Оба они занимаются фольклором. Она — северорусским, он — японским.

— Когда покажешь, что написала за последнее время? — спрашивает Виктор.

Тина поворачивается к нему. Лоб Виктора надвое делит морщина. Строгий взгляд умного мужчины пронзает замершую Тину.

— Зачем сейчас об этом говорить? — спрашивает она. — Хорошо же лежим.

— А когда об этом говорить?

— Не знаю. За столом? — Тина целует его ладонь.

— За столом ты не ответила.

— Имею в виду, не когда мы ужинаем, а когда работаем, — уточняет она. В квартире у Тины только один стол — барная стойка. За ней они обычно и едят, и работают.

— Так ты мне ответишь? Или мне сесть за стол и спросить тебя оттуда?

ВЕРХОВЬЕ

Тина не успевает понять, шутит он или говорит серьезно, как Виктор вытаскивает онемевшую руку из-под ее горячего тела и прямо так, обнаженным, идет за барную стойку и раскрывает ноутбук. Тине на кровать он швыряет книгу. Твердый уголок обложки царапает ногу.

— Виктор!

— Ну, мы за работой. Теперь говори.

Тина вздыхает. Виктор не дает ей поблажек.

— Нашла один интересный поворот в теме. Но пока еще только копаю в том направлении.

Тина смотрит на след от обложки на ноге. Кожа содралась, но крови нет.

— Расскажи, я помогу.

— Спасибо, но я пока сама. Хочу тебя удивить.

Тина смотрит на Виктора — он улыбается. Тина тоже улыбается и снова расслабляется. Виктор умеет заставить ее чувствовать себя напряженной и нерешительной, а через миг — уверенной в себе и желанной. Жара в комнате снова становится уютной. Виктор возвращается в постель и целует Тину. Он целует ее шею, грудь, живот. Тина счастлива, она приподнимает голову, чтобы посмотреть на Виктора, но в глаза бросается книга. Поцарапанной ногой Тина спихивает книгу с кровати, откидывается на подушку и закрывает глаза. Виктор ласков с ней, как теплая летняя река, она — песчаный берег. Без него она рассыпается на миллион песчинок.

ГЛАВА 3

Аля

Три года назад в сентябре, когда выпускной класс школы только начался, я сказала маме с Изой, что буду поступать в Питер на журналистику. Для меня это было, пожалуй, слишком смело, мы все это понимали, но мама тактично промолчала. Наверное, думала, что я в конце концов не решусь. Иза тоже. Она глумливо захихикала и сказала, что я домашняя кошка, которой не выжить в дикой природе. Сказала, что кровавый город прожует мою нежную плоть и выплюнет мои тонкие кости, а собирать их будет Иза, как когда-то собирала по кусочкам мою маму. Она была уверена, что такая тихоня, как я, не справится с переездом, да и журналистом никогда не станет. Она думала, я выберу библиотечное дело и, так же как мама, буду работать в библиотеке на набережной, где когда-то работала и сама Иза. Но я попросила маму записать меня к репетиторам и упорно занималась. До февраля Иза продолжала насмешничать, а потом сменила тактику и стала мучить нас с мамой своими мигренями.

В квартире нельзя было включать телевизор, громко разговаривать и тем более смеяться. С утра мы быстро собирались, чтобы уйти до того, как Иза встанет

завтракать, потому что наша суматоха ее нервировала, а зажженный свет, без которого темным зимним утром не обойтись, раздражал ее глаза, усиливая боль. После уроков я шла либо к репетитору, либо к маме в библиотеку, где занималась до конца ее рабочего дня, лишь бы подольше не идти домой, где стонала Иза. Я продолжала верить, что поступлю и уеду, даже когда Иза упала, я все еще продолжала верить, что уеду.

Упала Иза в марте недалеко от библиотеки — в месте, которое она очень любила. Там на пересечении набережной Северной Двины и улицы Логинова стояла Успенская церковь, куда Иза ходила ставить свечки. Между церковью и библиотекой недавно открылся памятник Петру и Февронии, а напротив был мостик с перилами, увешанными замками с именами молодоженов и датами их свадеб. Рядом с мостиком — плавный спуск с проезжей части вниз на пешеходную часть. Летом дети съезжали с него на роликах и самокатах, зимой — школьники на лыжах. Весной в гололед спуском почти не пользовались, здесь легко было навернуться, а удержаться не за что.

В тот мартовский день Иза решила подойти ближе к реке и воспользовалась именно этим спуском. Почти сразу ее нога поехала вперед, Иза упала и покатилась вниз, собирая пушистый снежный слой и оголяя лед. Она съехала прямо в ноги мужчине, выгуливающему своего пса. Это был черный лабрадор-ретривер — так сказала сама Иза. Его морда — последнее, что она запомнила, перед тем как потеряла сознание.

Иза сломала ребро, но лечь в больницу отказалась. Тогда ей прописали анальгетики, постельный режим, физио и дыхательную гимнастику. Будто все

это было предложено на выбор, Иза только закидывалась обезболом, а в остальном проводила свои дни как обычно: скрючившись в кресле перед мерцающим телевизором или за домашними делами. Виноваты в этом были мы с мамой, не приученные к быту. Иза делала все сама, ничего нам не поручая. При этом шум пылесоса, возня мокрой тряпкой по полу и шипение масла на сковороде неизменно сопровождалась шкворчанием самой Изы: «Все приходится делать самой!» Она жаловалась на несправедливость, ругала нас, лентяек и неумех, но каждый раз, когда мама порывалась помочь, Иза ее осаждала. «Не умеешь — не берись!» А я даже и не пыталась браться.

Когда Иза заболела, мы с мамой решили, что теперь-то нам будет позволено помогать. Пока я вытирала пыль, а мама мыла полы, Иза молча сидела у себя в спальне. Но когда мы заканчивали, Иза доставала мокрые тряпки вновь и все перемывала. Особенно долго она возилась со своим сервантом, сдувая пыль со слоников. Замерев, мы с мамой слушали, как фигурки стучат и стучат по стеклу.

Со стиркой тоже все было сложно. Иза не хотела ждать, когда мы этим займемся. Пока нас не было, она запускала машинку и стирала даже постельное белье, а потом развешивала отяжелевшие от влаги простыни и пододеяльники на сушилку над ванной. Упрямая ершистая Иза не слушала нас и поступала по-своему. Я представляла, как от всей этой работы, должно быть, хрустят ее ребра, как трутся друг о друга сломанные косточки, крошатся и истончаются, а их осколки падают в кровь.

Через три недели мы узнали, что ребро у Изы срастается неправильно. Надо было назначать новое лечение. К удивлению, Иза согласилась лечь на обследование, строго соблюдала советы врача, но часто жаловалась на боли в боку. Целые дни она проводила в постели, изредка выбираясь из своей пещеры, передвигаясь по квартире раненой пумой, мало ела и плохо спала. По ночам она ворочалась и вздыхала. Я слышала это из другой комнаты.

Тогда мы и вернулись к разговору о моем поступлении. Мама поддержала Изу, которая решила, что сейчас нам троим надо быть рядом, ведь неизвестно, сколько ей еще отпущено.

Я осталась в Архангельске, затаив на Изу обиду, которая становилась все острее, когда после моего зачисления в местный университет она быстро пошла на поправку и впервые за целый год стала прежней Изой, все еще колючей, но ее иголки смягчились, почти не оставляли следов.

Утешилась я тем, что все-таки выбрала кафедру журналистики. Иза не противилась — диплом, который я получу, позволит мне работать и в библиотеке.

В конце второго курса мне надо было решить, куда я пойду на практику. Завкафедрой говорила, что самый быстрый способ стать журналистом — поехать куда-нибудь в область и писать для местного издания, где часто недостает рабочих рук. Я ухватилась за эту идею и попросила кафедру направить меня в газету Пинежского района, где жила моя вторая бабушка, по линии отца.

И все началось по новой.